

Константин ФРУМКИН

ТРУД-НАСЛАЖДЕНИЕ: ИЗ ИСТОРИИ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ТРУДА

Чем дальше по времени отдаляется от нас советская эпоха, тем больше возможностей отнести к ней спокойно — не как к политической проблеме, но как к чрезвычайно специфической главе в истории России и мира, оказавшей огромное влияние на мировое развитие и воплощающей определенные тенденции в эволюции человеческой цивилизации.

Сказанное о советской эпохе относится и к советской идеологии, хотя бы потому что любая идеология — как бы лжива и бездарна она ни была — высвечивает ценностные представления тех, кто ее создавал. Если идеологи считали, что апелляция именно к этим ценностям чрезвычайно важна и, вероятно, соблазнительна для тех, кому адресована пропаганда, имеет смысл присмотреться к этим ценностям, чья история и бытование явно выходят за пределы собственно идеологических посланий.

В основе советской идеологии лежит представление о коммунизме как «светлом будущем всего человечества». Парадокс, однако, заключается в том, что никакого внятного «нарратива о коммунизме» советской идеологией создано не было. Не было никакого официального, утвержденного партийными документами и сколько-то подробного рассказа о коммунистическом будущем. Однако советская культура выработала огромный пласт подспудных полуофициальных материалов, содержащих описание коммунизма, — и наиболее подробные и наглядные картины желанного коммунистического будущего содержались несомненно в советской научной фантастике, которая, взятая в этом аспекте, хорошо вписывается в историю западной социальной утопии — и советские представления о коммунизме невозможно рассматривать, не принимая во внимание контекст в виде истории западной утопии, начиная с Томаса Мора.

После того как в 1961 году скорое построение коммунизма стало частью программы КПСС, в Лондоне в качестве приложения к журналу «*Survey*» вышел сборник статей ряда западных философов, социологов и экономистов, посвященных различным аспектам идеи коммунизма. Хотя статьи были скорее недоброжелательные и часто ироничные, но уже в 1964 году эта книга под заголовком «Будущее коммунистическое общество» переводится на русский язык и издается в СССР — с грифом «для рассылки по специальным спискам». Авторы предисловия к этому сборнику — вероятно, его

Константин Григорьевич Фрумкин — российский журналист, философ, культуролог. Автор книг и статей философской и культурологической тематики, в том числе на темы философии сознания, теории фантастики, теории и истории драмы, а также социальной футурологии. Один из инициаторов создания и координатор Ассоциации футурологов.

редакторы У. Лакер и Л. Лабедз — отмечают, что поскольку Маркс не оставил подробных замечаний о том, каким будет коммунизм, то «в поисках таких деталей нам придется обратиться к другим источникам, а именно, к трудам бесчисленных авторов — от Платона до Томаса Мора, и от Кампанеллы до Уильяма Морриса и Г. Дж. Уэллса, которые в мельчайших подробностях описали устройство различных идеальных обществ будущего». Более того, редакторы сборника уверены, что «Маркс и все марксисты молчаливо позаимствовали у утопических социалистов немало идей, которые растворились в марксистском учении в качестве молчаливых предположений»¹. К этому надо добавить, что произведения утопических социалистов начиная с XIX века широко издавались в России, и некоторые из них имели широкое влияние на русскую интеллигенцию, особенно это касается Шарля Фурье, который имел влияние и на петрашевцев, и на Белинского, мотивы, заимствованные у Фурье, явно проглядывают в знаменитом «Четвертом сне Веры Павловны» Чернышевского, и Достоевский, сатирически изображая революционеров-террористов в «Бесах», не преминул отметить, что один из участников этой тайной организации, и причем самый мерзкий — Липутин, является фурьеристом. Влияние Фурье испытали и фантаст Иван Ефремов, и известный советский экономист академик Станислав Струмилин, написавший в начале 1960-х футурологическую книгу «Жизнь через 20 лет». Отметим также огромное влияние, которое произвел в начале XX века на социалистические круги утопический роман американского социалиста Эдварда Беллами «Взгляд назад», этот текст широко использовался для пропаганды российскими социалистическими партиями — и именно как наглядное изображение будущего социалистического общества.

В XX веке на российской почве коммунистическая утопия существовала прежде всего в форме научной фантастики, традицию эту, можно сказать, «учредил» большевик Александр Богданов своими романами о коммунистической цивилизации на Марсе, затем вышел целый ряд утопических романов о коммунизме в 20-х — начале 30-х годов, и заново волна утопической фантастики началась с публикации в 1957 году романа Ивана Ефремова «Туманность Андромеды». Ефремов во многом возродил научную фантастику в СССР — но возродил он ее именно в утопическом ключе, как пишут Л. Геллер и Ф. Нике, в 50—60-е годы в советскую литературу под видом научной фантастики вернулась утопия². В это же время государство что-то пыталось сказать о коммунизме официальным языком, в 1963 году в вузах началось преподавание научного коммунизма — но эта псевдофилософия была слишком невнятной и абстрактной, чтобы иметь какое-то значение.

Тем не менее мы видим что представления о коммунизме можно черпать, по меньшей мере, из трех источников: из широко издававшихся в советское время текстов западной социальной утопии, из посвященной коммунистическому будущему советской фантастики и из теоретических трудов по научному коммунизму.

Но тема представлений о коммунизме достаточно широка, так что рассмотрим для начала самую любопытную часть этих представлений — вопрос о труде, который при коммунизме не будет мотивирован, поскольку суть коммунизма заключается именно в уравнительном и безусловном потреблении.

То, что мотивация труда в обществе абсолютного равенства является проблемой, явственно сознавал еще Кампанелла, так что решения этой проблемы утописты искали — и находили на протяжении, по меньшей мере, 400 лет. Но в первые века существования социальной утопии ее авторы подходили к этой проблеме просто: трудиться надо принуждать.

¹ Будущее коммунистическое общество. М.: Издательство иностранной литературы, 1964, с. 7.

² Геллер Л. Нике Ф. Утопия в России. М.: Гиперион, 2003, с. 224—225.

Обязательность труда и наличие должностных лиц, наблюдающих за соблюдением трудовой повинности, — обыденная сторона многих и многих утопических проектов. В «Утопии» Мора все граждане обязаны трудиться, и за их трудовым усердием следят специально выбранные сифогранты. В написанной в XVII веке коммунистической утопии английского идеолога диггеров Джерарда Уинстенли «Закон свободы» существует всеобщая обязанность трудиться до 40 лет, а тунеядцев наказывают кнутом и обращают в рабство. Гракх Бабеф считал, что в истинно справедливом и братском обществе лень будет единственным преступлением, караемым смертной казнью. В «Путешествии в Икарию» Этьена Кабе — это уже первая половина XIX века — обязанность трудиться сравнивается с налогом. Во «Взгляде назад» Эдварда Беллами — конец XIX века — все граждане подлежат призыву в трудовую армию сроком на 25 лет.

Эта идея распространяется и на советскую фантастику. В советской утопии, в романе «Мы из солнечной системы» Георгия Гуревича (1965) наряду с добровольным трудом есть и обязательный, распределяемый между гражданами властями, при этом жителям даже запрещается добровольно уходить из жизни до 50 лет — чтобы они своим трудом вернули долг обществу, кормившему и учившему их до 25 лет.

Перед теми утопистами, которые отказались от принуждения к труду, встал очень серьезный вопрос: какие же мотивации будут действовать на человека — и тут утопическая и научно-фантастическая литература была вынуждена отвлечься от понятной и любимой этими авторами сферы социальных структур и технических новаций и погрузиться в ненадежную и темную область человеческой психологии. Если посмотреть, что авторы великих утопий, социалистические мыслители, советские фантасты, а заодно творившие одновременно с советскими фантастами советские теоретики научного коммунизма писали про мотивацию добровольного бесплатного труда, можно увидеть, как они блуждают, перебирая разные известные им психологические явления, разные случаи, когда люди занимаются чем-то добровольно и бесплатно, разные ситуации возникновения энтузиазма, и выражают надежду, что могут сложиться обстоятельства, когда эти бывающие у людей психологические состояния станут повседневными, всеобщими и смогут составить основания экономики.

Такого рода блуждания по миру психологических феноменов мы застаем уже у Кампанеллы, который — не очень логично и вопреки тому, что его Город солнца является царством самой строгой регламентации под руководством иерархически выстроенной власти — от принудительности труда все-таки отказывается. В результате Кампанелла в разных местах текста приводит три разных свойственных соляриям мотивации трудиться: 1) жители Города солнца обладают любовью к родине «больше, чем у римлян», а римляне жертвовали собой ради отечества; 2) трудиться в Городе солнца почетно; 3) это соответствует астрологически установленным естественным склонностям: «Так как должность каждого определяется с детства сообразно с расположением и сочетанием звезд, наблюдавшихся при его рождении, то благодаря этому все, работая каждый в соответствии со своими природными склонностями, исполняют свои обязанности как следует и с удовольствием, так как для всякого они естественны»³.

Любопытно то, что хотя последняя мотивация кажется наиболее фантастической, с точки зрения развития утопической литературы она оказалась наиболее перспективной — поскольку и другие утописты иногда прибегали к этой апелляции — к некоей не всегда ясно понимаемой и расшифровываемой «естественной склонности». Иногда эта апелляция получает довольно забавное, хот и правдоподобное обоснование — а именно, что люди могут себе позволить трудиться, потому что сам процесс труда оказыва-

³ Здесь и далее цитаты художественных произведений, включая утопические романы, даются по их интернет-версиям с ресурса <https://e-libra.ru/>. Специальные сноски в этих случаях не делаются.

ется слишком ничтожным по объему, и минимум труда означает удовлетворение потребности в движении и в активности, свойственной человеку от природы.

К такому ходу мысли прибегнул уже оказавший большое влияние на Фурье писатель XVIII века Ретиф де ла Бретонн, который в своем утопическом романе «Южное открытие» заявляет, что когда все работают, труд легок, а когда труд легок, «работа становится тогда удовольствием, потому что порученная каждому работа никогда не доводит до усталости, а лишь упражняет и делает гибкими члены и скорее содействует, чем вредит умственному развитию».

К этому обоснованию прибегает Н. Г. Чернышевский в известной и впоследствии цитируемой советскими философами статье «Экономическая деятельность и законодательство», из которой можно узнать, что поскольку в будущем труд станет все более производительным, а бесполезные вещи производиться не будут, то «труд из тяжелой необходимости обратится в легкое и приятное удовлетворение физиологической потребности, как ныне возвышается до такой степени умственная работа в людях просвещенных: как вы, читатель, перелистываете теперь книгу не по какому-нибудь принуждению, а просто потому, что это для вас занимательно и что было бы для вас скучно не посвящать чтению каждый день известное время, так некогда наши потомки будут заниматься материальным трудом. Тогда, конечно, производство ценностей точно так же обойдется без всяких законов, как теперь обходится без них прогулка, еда, игра в карты и другие способы приятного препровождения времени»⁴.

Эта же конструкция — потребность в движении на фоне ничтожности труда — используется в фантастическом романе советского писателя Якова Окунова «Грядущий мир», где на фоне рассуждений, что все равно большую часть работ совершают машины, отмечается: «Организм каждого человека требует движения, и этой потребности вполне достаточно для той работы, которую должен выполнить каждый член нашего общества».

Так же и у Ленина можно прочесть, что коммунистический труд, то есть «бесплатный труд на пользу общества», есть «труд по привычке трудиться на общую пользу и по сознательному (перешедшему в привычку) отношению к необходимости труда на общую пользу, труд, как потребность здорового организма»⁵.

Второй выдвинутый Кампанеллой мотив — почет — использовался значительно меньше, именно потому, что он был слишком рационален и слишком напоминал обычное общество прошлого. Впрочем, Этьен Кабе в своей «Икарии» говорит, что все-таки необходим дух соревнования, и поэтому лучшим работникам в Икарии присваиваются «публичные отличия» и даже «национальные почести» — но среди известных утопических проектов в этом пункте «Икария» скорее исключение.

Третье стандартное решение проблемы мотивации связано с категорией долга. Очень часто в утопии труд предстает моральным долгом, обязанностью, производным от любви к нации или к обществу, и в своих пароксизмах трудолюбие даже может быть сравнено с патриотизмом, проявляемым на войне. К такой милитаризованной аргументации прибегает Эдвард Беллами в романе «Взгляд назад» — хотя в его утопии труд принудителен, однако остается проблема уравниловки вознаграждения, и тут Беллами заявляет, что «когда дело касается высшего разряда усилий», то люди руководствуются такими вещами, как «честь, надежда на благодарность людей, патриотизм и чувство долга», так что «армия труда представляет собой армию не только в силу своей превосходной организации, но также и по той готовности на самопожертвование, какая воодушевляет ее членов».

⁴ Чернышевский Н. Г. Сочинения в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1986. с. 713.

⁵ Ленин В. И. От разрушения векового уклада — к творчеству нового // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 40. М.: Издательство политической литературы, 1974, с. 315.

В романе французского фантаста Густава Гиттона «Жизнь людей через тысячу лет» (1907, русский перевод 1909) также утверждается, что в будущем честолюбие заменяется стремлением приносить пользу ближнему, вознаграждение для деятельных, способных людей заключается в сознании пользы, которую они приносят.

В трудах по научному коммунизму можно прочесть, что стремление работать при коммунизме будет диктоваться «стремлением принести пользу обществу, естественным самоутверждением высоконравственной личности»⁶. Это мнение разделяли большинство идеологов и специалистов по научному коммунизму — так что в написанной в 1965 году брошюре «Твой труд и коммунизм», автором которой был видный юрист, впоследствии крупнейший советский специалист по атомному праву Абрам Йорыш, концепция сознательности специально противопоставляется концепции труда как потребности организма: труд, пишет Йорыш, не биологическая потребность и не привычка, он становится потребностью только при условии осознания каждым членом общества необходимости труда на благо всего общества⁷.

Тут стоит отметить, что полемика Йорыша с концепцией биологической потребности не случайна. В советской марксистской философии труда характерная для утопии теория природной склонности к труду не особенно одобрялась — поскольку для марксизма вообще было характерно принижение роли врожденных свойств человека, поскольку марксизм склонялся к социальном детерминизму и все самое важное в человеке должно определяться не человеческой природой, а социальными условиями.

Важным недостатком концепции «естественной склонности» к труду было так же то, что она, как правило, предполагала уменьшение роли труда в человеческой жизни. Поэтому версия «естественной склонности» хотя и широко использовалась утопистами, ими же и критиковалась, и в конце XIX века Уильям Моррис (известный в том числе как автор утопического романа «Вести ниоткуда») в отзыве на «Взгляд назад» Беллами писал: «Идеал будущего должен заключаться не в снижении человеческой энергии путем сокращения труда до минимума, а в уменьшении его тягостности, в том, чтобы его бремя почти не ощущалось... Истинным стимулом для счастливого и полезного труда должна быть радость, исходящая от самого труда»⁸.

Фактически продолжая эту полемику, Ефремов в «Туманности Андромеды» выступает с развернутой декларацией: «В древних утопических фантазиях о прекрасном будущем люди мечтали о постепенном освобождении человека от труда. Писатели обещали, что за короткий труд — два-три часа на общее благо — человечество сможет обеспечить себя всем необходимым, а в остальное время предаваться счастливому ничегонеделанию. Эти представления возникли из отвращения к тяжелому и вынужденному труду древности. Скоро люди поняли, что труд — счастье, так же как и непрестанная борьба с природой, преодоление препятствий, решение новых и новых задач развития науки и экономики».

В появлении труда-удовольствия на страницах утопических текстов, а затем трактатов по научному коммунизму мы видим прежде всего фазу в эволюции утопии, связанную с общей гуманизацией, так что в утопической литературе явно уменьшилась «толерантность к насилию», а значит, и к принуждению к труду. Таким образом, идея труда-удовольствия решала внутренние проблемы утопии, а именно те проблемы, которые немедленно возникают, когда на фоне «Рая на Земле» провозглашается отмена денег, стимулирования повышенным потреблением и т. д.

⁶ Косолапов Р. И. Коммунизм и свобода (Проблема освобождения труда). М.: Издательство Московского университета, 1965, с. 103.

⁷ Йорыш А. И. Твой труд и коммунизм. М.: Политиздат, 1964, с. 66.

⁸ Цит. по: Мортон А. Л. Английская утопия. М.: Иностранная литература, 1956, с. 190.

Первым, кто в истории утопии — а возможно, и в человеческой мысли вообще — открыл, что, возможно, главным мотивом труда будет его привлекательность, был Шарль Фурье. Однако его психологические изыскания на эту тему были экзотичны и неубедительны, и Людвиг фон Мизес в своей книге о социализме заметил, что если бы Фурье действительно смог показать, как сделать труд привлекательным, он бы и в самом деле заслужил те божественные почести, которые ему воздают⁹.

Но в XX веке в утопических текстах была заново открыта возможность любви к труду — а значит, и более надежная возможность уничтожения принуждения к труду, от чего не могли отказаться реалистически мыслящие утописты.

И здесь перед исследователем встает вопрос, как в русской культуре вообще выработалась связь «труд-удовольствие». Данные Национального корпуса русского языка показывают, что в XIX веке слово «труд» хотя и довольно часто встречалось в сочетании со словами «радость», «удовольствие» и «наслаждение», но упоминалось как нечто отличное от них или даже противостоящее им, радости, удовольствия и наслаждения ассоциировались с досугом. Однако во второй половине XIX века появляются исключения, и исключения очень характерные: все находимые в этом периоде отождествления труда с удовольствием — отождествления, заметим, проводимые в порядке некоторого парадокса, — это характеристики своего труда, даваемые писателями и деятелями искусств. Так, например, в дневнике литературного критика А. В. Дружинина можно найти запись: «...передо мною открыто широкое литературное поприще, где самый труд доставляет мне удовольствие»¹⁰. Примерно такие же конструкции — относящиеся не к труду вообще, но именно к «моему труду» — можно найти в письмах Фета, Гончарова, Чайковского.

Вероятно, к началу XX века в русской культуре сложилось более или менее устойчивое представление, что труд может быть удовольствием — но только в некоторых особых случаях. Это, например, видно в произведениях Горького, который поднимает эту тему в достаточно проблематическом контексте. Так, один из персонажей пьесы «На дне» говорит: «Когда труд — удовольствие, жизнь — хороша! Когда труд — обязанность, жизнь — рабство». Проблематичность этой темы в начале XX века хорошо иллюстрирует опубликованный в 1905 году очерк большевика-публициста Вацлава Воровского «Лишние люди», в котором говорится буквально следующее: «Труд во все не „счастье“ и не „восторг“, — по крайней мере, для тех, кто вынужден трудиться. Нормально труд — необходимость, и необходимость, прежде всего, экономического свойства»¹¹.

Однако в этот же период начинается еще одна важная тема русской культуры: отнесение «труда-наслаждения» к прекрасному будущему, то есть в сферу футурологических видений. Первым — или одним из первых — примером этого является написанный в том же 1905 году фантастический рассказ Александра Куприна «Тост», действие которого происходит в XXX веке, и большая часть которого представляет собой тост, произносимый в честь борцов за светлое будущее 1000 лет назад — то есть революционеров XX века. Тост начинается с описания удивительных свойств той будущей эпохи: «Ничем не стеснен наш ум, и нет преград нашим желаниям. Не знаем мы ни подчинения, ни власти, ни зависти, ни вражды, ни насилия, ни обмана. Каждый день разверзает перед нами целые бездны мировых тайн, и все радостнее познаем мы бесконечность и все-

⁹ Мизес Л. фон. Социализм. Экономический и социологический анализ. — <https://econ.wikireading.ru/33770>.

¹⁰ Дневник Дружинина. 1848. — <http://druzhinin.lit-info.ru/druzhinin/dnevnik/1848.htm>.

¹¹ В. В. Воровский. Лишние люди. — <https://iknigi.net/avtor-vaclav-vorovskiy/125859-lishnie-lyudi-vaclav-vorovskiy/read/page-4.html>.

сильность знания. И самая смерть уже не страшит нас, ибо уходим мы из жизни, не обезображенные уродством старости, не с диким ужасом в глазах и не с проклятием на устах, а красивые, богоподобные, улыбающиеся, и мы не цепляемся судорожно за жалкий остаток жизни, а тихо закрываем глаза, как утомленные путники. Труд наш наслаждение. И любовь наша, освобожденная от всех цепей рабства и пошлости, — подобна любви цветов: так она свободна и прекрасна. И единственный наш господин — человеческий гений!»

Таким образом, труд-наслаждение признается возможным, но только в очень далеком будущем и среди таких невозможных достижений, как смерть без страха, общество без власти, любовь без пошлости и т. д., то есть чего-то очень далекого и малоправдоподобного. При этом мы можем предположить, что, изобретая будущий труд-наслаждение, Куприн имел в качестве образца прежде всего самооценку труда деятелями искусства — это нас заставляет предполагать весь контекст тогдашней культуры.

Говоря об этом контексте, очень важным для нашей темы представляется воспоминание художника Юрия Анненкова о встрече с писателем Евгением Замятиным, произошедшей в 1920-х годах, в которых присутствует следующее рассуждение Замятина: «Будет время — оно придет непременно, — когда человечество достигнет известного предела в развитии техники, время, когда человечество освободится от труда, ибо за человека станет работать побежденная природа, переконструированная в машины, в дрессированную энергию. Все преграды будут устранены, на земле и в пространстве, все невозможное станет возможным. Тогда человечество освободится от своего векового проклятия — труда, необходимого для борьбы с природой, и вернется к вольному труду, к труду-наслаждению. Искусство только еще рождается, несмотря на существование Фидия и Праксителя, Леонардо да Винчи и Микеланджело, на Шекспира и на Достоевского, на Гете и на Пушкина. Искусство нашей эры — лишь предтеча, лишь слабое предисловие к искусству. Настоящее искусство придет в эру великого отдыха, когда природа будет окончательно побеждена человеком»¹².

Ход рассуждений Замятина, переданный Анненковым, таков: труд-наслаждение возможен, но не сейчас, а только в будущем, когда весь нынешний труд возьмет на себя техника, а человеку останется нечто напоминающее одновременно и отдых, и работу великих деятелей искусства. Заметим, что данные рассуждения Замятина о труде в общих чертах повторяют мысли, высказанные на четверть века раньше Оскаром Уайльдом в его утопическом эссе «Душа человека при социализме». Вообще же, Замятин вполне согласен с мнением большинства авторов XIX века, что наслаждением труд является исключительно у людей творческих профессий, который и является образцом для идеального труда в отдаленном будущем.

Этим же ходом рассуждений воспользовался в 1930 году автор фантастического романа «Следующий мир» Эммануил Зеликович: когда ему понадобилось объяснить мотивацию труда при коммунизме и его отличие от социализма (при котором людям все-таки платят), он не находит ничего лучшего, как вспомнить про труд художника: жители коммунистического общества «работают именно из любви к искусству. Вся их деятельность является творчеством свободных художников».

Еще одним характерным примером соединения тем будущего, труда, наслаждения и искусства как образца для будущего труда-наслаждения служит фантастическая поэма Семена Кирсанова «Ночь под новый век», написанная в 1940 году и являющаяся своеобразной репликой на «Гост» Куприна. Как и у Куприна, сюжет сводится к празднованию нового года в прекрасном светлом будущем, как и у Куприна, значительную часть текста занимает новогодний тост, посвященный героической борьбе в XX веке,

¹² Анненков Ю. Дневник моих встреч. — <https://www.litmir.me/br/?b=241961&p=53>.

в поэме мы также видим панораму победы коммунистической идеи и достижений науки, но еще одна очень важная тема — охвативший всех жителей будущего общества героический энтузиазм:

Люди мыслят:
«Какой бы получше,
прочнее, душистей
выдумать, выковать, вышить
в коммуне
кому-нибудь
свой ежедневный подарок?»

....
сидит безутешно в столовой.
Он —
человек, осужденный за грубое слово
на неделю
безделья.
Жестокая кара!
По суровой традиции
судьи решают
и за проступок лишают
права трудиться
от суток
до месяца.

Вот образец:
понимаете муку
Фидия,
если отнят резец
и к паросскому мрамору
прикасасть запрещается руку?
Или ноты, перо и рояль
отнять у Шопена?
Или сердцу стучать запретить?
Или птице — любимое пенье?
Без труда
страшно жить.
И неделя штрафного безделья
человеку — как прежде Бастилия.

Приводимые примеры показывают, что, по крайней мере, в довоенную эпоху возможность получать наслаждение от труда чаще признается за деятелями искусства.

Важнейший переворот в футурологических представлениях, произошедший во второй половине XX века, заключался в том, что в роли наиболее часто приводимого образца для труда-наслаждения — и в особенности будущего коммунистического труда-наслаждения — наука стала рядом с искусством, а затем и почти вытеснила искусство.

Сочетание повышенного интереса к идее коммунистического будущего в 1950—1960-х годах в сочетании с резким увеличением интереса к профессии ученых и роста численности самих ученых привело к тому, что в культуре было сделано «откры-

тие» — та особая любовь, которую ученые питают к своему труду, тот энтузиазм, который — искренне или нет — демонстрируют исследователи, вполне может быть образом коммунистического труда, а значит, и труда будущего. Об этом открытии пишут Петр Вайль и Александр Генис, по мнению которых, в культуре 60-х ученые стали восприниматься «аристократами духа», более того: «наука становилась орденом, слившим цель со средством в единый творческий порыв», в ученом видели «новый тип личности — личность, освобожденную от корыстолюбия и страха, творческую, полноценную и гармоничную». И далее: «Царство науки казалось тем самым алюминиевым дворцом, в который звал Чернышевский. Счастливики, прописанные в этом дворце, жили уже при коммунизме»¹³. Свидетельство такого отношения к науке можно увидеть в романе Даниила Гранина «Иду на грозу» (1961), где главный герой доказывает, что ученый «воплощает в себе черты человека коммунизма, поскольку работа для него — потребность, удовольствие».

Разумеется, Вайль и Генис признают, что речь идет скорее о ставшем популярным мифе, и тут важно добавить, что, по их словам, «нагляднее и доступнее всего создавала и обслуживала миф о науке как бы специально для этого придуманная фантастика. Не случайно этот жанр стал самым популярным в стране»¹⁴.

Творчество ранних Стругацких было, наверное, наиболее чистым выражением этого мировоззрения, и тут особенно важно, что Стругацкие, как свидетельствуют многие оставленные ими тексты, считали страсть к познанию особой антропологической величиной, значимой частью человеческой природы, которая при благоприятных обстоятельствах может стать доминирующей. В Институте чародейства и волшебства в повести «Понедельник начинается в субботу» принята «рабочая гипотеза», что счастье «в непрерывном познании неизвестного и смысл жизни в том же», то есть общечеловеческая формула счастья была скроена явно под вкус ученых, но, с другой стороны, труд ученого был признан способным приносить счастье — короткая формула имела, таким образом, двойной социальный смысл; к тому же из этой формулы счастья вытекает очень жесткая трудовая мобилизация: человек, пишут авторы «Понедельника», становится магом, «когда работать ему становится интереснее, чем развлекаться в старинном смысле этого слова», название романа собственно означает отказ сотрудников магического НИИ от выходных, и важная часть сюжета романа заключается в том, что сотрудники института в новогоднюю ночь отказываются от празднования и приходят работать.

Если допустить, что труд сводится прежде всего к познанию, то допущение непреодолимой и бескорыстной страсти к познанию решало одну из главных теоретических проблем научного коммунизма — как именно в коммунистическом будущем труд станет потребностью. Бескорыстная страсть к познанию выглядела более реалистичной, чем бескорыстная страсть к труду вообще, и поэтому познание было необходимым буфером, соединяющим сферу труда с миром безденежного коммунизма. Но именно поэтому страсть к познанию является не только склонностью, свойственной тем или иным людям, но, с точки зрения Стругацких, фактически всеобщим долгом. Как говорит герой повести «Полдень, XXII век», человек становится человеком, только когда говорит «Хочу знать». В написанном в 1962 году докладе «Человек и общество будущего» Стругацкие утверждают, что «человек по самой своей природе стремится к познанию» — и со временем это стремление станет основной движущей силой общества¹⁵.

¹³ Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. М.: Новое литературное обозрение, 1998, с. 102.

¹⁴ Там же, с. 103.

¹⁵ Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники. 1942–1962 гг. М.: Аст; Донецк: Сталкер; Киев: НКП, 2008, с. 580.

«Самое высокое наслаждение доступное человеку — это творческий труд» — читаем в одном из поздних интервью Бориса Стругацкого¹⁶. Очень точно в книге Ю. С. Черняховской о братьях Стругацких глава, посвященная «Миру Полдня», называется «Общество Познания»¹⁷. Любопытно также замечание А. Бузгалина, что в романах Стругацких отразился «протокоммунистический образ жизни», возникший в советских наукоградах (чье появление — одно из достижений 60-х)¹⁸. И Сергей Лукьяненко, изображая в своем романе «Спектр» цивилизацию аранак, отчасти пародирующую мир «Полдня», вставляет в роман небольшой эпизод, в котором родители легко отпускают небольшого ребенка в далекое путешествие, поскольку ценность познания превалирует и «познавательный аспект приключения перевешивает риск для жизни».

Уверенность в том, что страсть к познанию — часть человеческой природы, не была исключительным достоянием Стругацких: герой фантастической повести Владимира Тендрякова «Путешествие длиною в век» (1963) говорит: «В нас живет потребность познать новое. Потребность как голод, как сон, без нее нет человека. Когда люди насытятся знаниями и скажут: „Хватит!“ — считай — смерть. Цель жизни, смысл ее — познай непознанное!»

Тут мы сталкиваемся с одной чрезвычайно важной коллизией, о которой много размышляли Стругацкие и которая была чрезвычайно важной для всей русской утопической фантастики XX века. Хотя, как предполагали Стругацкие, страсть к познанию — фундаментальная часть человеческой природы, но ее еще надо создать, воспитать, вырастить — иначе она может не актуализироваться. Тут Стругацкие несомненно идут вслед за многими веками христианской, святоотеческой, имеющей истоки у Платона традиции, с ее различением человека телесного, духовного и душевного — духовного человека нужно еще большими, в том числе аскетическими усилиями воспитать из телесного. В тексте «Полдня» один из персонажей утверждает: «Это от нас не зависит. Есть закон: стремление познавать, чтобы жить, неминуемо превращается в стремление жить, чтобы познавать. Неминуемо!» Однако, как следует из многих текстов Стругацких, эта неминуемость отнюдь не гарантирована — если не выпестована и не поддержана. В упомянутом выше докладе «Человек и общество будущего» Стругацкие, с одной стороны, утверждают, что человек стремится к познанию по своей природе — но, с другой стороны, эту его склонность надо лелеять, «Необходима еще и огромная воспитательная работа, чтобы помочь человеку подняться, наконец, с четверенек, освободить его духовные силы и умственную энергию, помочь ему осознать тот факт, что он по определению является существом, живущим для того, чтобы мыслить и познавать».

Громоподобные инвективы в адрес мещанства, которые мы находим в повестях и публицистике Стругацких, объясняются прежде всего тем, что «мещанство» есть альтернативный фокус интересов человека, альтернативная комбинация человеческих сил, не ориентированная на познание. По сути, Стругацкие представляют человеческую природу — вполне в христианском стиле — как поле драматической битвы, как место соревнования двух соблазнов — в полном соответствии с формулой из «Братьев Карамазовых»: «Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей». Только в роли «Бога» здесь выступает познание, а в роли «дьявола» — едва ли не весь спектр прочих человеческих интересов.

Идеал Стругацких — аскетичный рыцарь познания, и тут они совпадают с Ефремовым, последний в романе «Час быка», отвечая на вопрос, из чего складывается счастье

¹⁶ Стругацкий Б. Н. Интервью длиною в годы: По материалам онлайн-интервью. М.: АСТ, 2009, с. 469.

¹⁷ Черняховская Ю. С. Братья Стругацкие: Письма о будущем. М.: Книжный мир, 2016, с. 185.

¹⁸ Бузгалин А. Советский полдень: свет и тени (Заметки о потенциале и противоречиях «оттепели» 1960-х) // Альтернативы, 2016, № 3, с. 9.

человека будущего, говорит: «Из строжайшей самодисциплины, вечной неудовлетворенности, стремления украсить жизнь, расширить познание, раздвинуть пределы мира».

И все же при всей значимости научного и творческого труда в фантастике «Больших 60-х» писатели не могли провозгласить его единственным видом труда — и наряду с культом научных исследований в советской культуре существовал куда более широкий по предмету и потенциальной социальной базе культ «интересной работы». Это культурное явление совершенно безбрежно по количеству материала, но если же говорить о фантастике Ефремова и Стругацких, то их герои не только занимаются наукой — прежде всего они еще летают в космос.

В «Туманности Андромеды» на уровне декларации провозглашается, что самой главной, самой интересной работой несомненно является научное исследование, однако в ходе повествования становится ясно, что к этому декларируемому положению надо внести уточнение и даже поправку — поскольку автором в сильнейшей степени руководит романтика фронта, «муза дальних странствий» — романтика освоения дальних и опасных земель и пространств, которая в обстоятельствах научно-фантастического произведения о будущем имеет форму романтики космической экспансии — и поэтому именно освоение космоса становится самой интересной и самой главной работой. Хотя на эту интенцию «Туманности» не могло не влиять участие Ефремова в многочисленных геологических и палеонтологических экспедициях, эта тема, конечно, не является его оригинальным достоянием, поскольку романтика дальних странствий вообще тяготела над русской культурой XX века — примеры здесь укладываются в ряд от поэзии Николая Гумилева до романа Вениамина Каверина «Два капитана». В сущности, космонавт занял в космосе Стругацких и Ефремова то же место, которое в предыдущие десятилетия занимал полярный летчик, да и ранние рассказы Ефремова посвящены прежде всего участникам геологических экспедиций — морякам и летчикам.

Очень любопытен в этой связи следующий пассаж из фантастического романа Александра Казанцева «Полярная мечта» (1956): «Ученые, писатели, художники, музыканты... — увлеченно продолжал Карцев. — Можно назвать многих, кто ради своего высокого, вдохновенного труда готов был на любые тяготы жизни. А в нашей стране творчески вдохновенным стал любой труд. Вот почему молодежь пойдет сейчас на север, как шла в поход на восток, поднимала целину, строила атомные электростанции, поворачивала вспять великие реки!» В одном пассаже фактически объединены три разных тезиса об идеализированном труде: во-первых, «каноническим», эталонным, беспроblemным с точки зрения коммунистической идеологии является труд вдохновенных художников и ученых, во-вторых, на абстрактном идеологическом уровне к такому труду пытаются приравнять «любой труд», однако, в-третьих, фактически, судя по перечисленным Казанцевым занятиям, речь идет все-таки не о любом труде: эквивалентен труду ученого и художника только труд, связанный с продвижением фронта, с освоением новых земель и пространств.

Другой иллюстрацией этого же стереотипа может служить рассказ Александра Казанцева «Новогодний тост», написанный в 1951 году. Рассказ этот — как и цитируемая выше поэма Семена Кирсанова — также представляет собой вариацию на тему рассказа Куприна «Тост», что видно не только из названия, но и из замысла: оба рассказа посвящены будущему, оба рассказа представляют собой прежде всего записи новогоднего тоста, но если у Куприна люди будущего поднимают бокал за прошлое, то у Казанцева автор — житель XX века — поднимает бокал за далекое будущее. Рассказ Казанцева крайне патетичный, и значительная часть его пафоса уходит на проследивание перехода — можно сказать «конвертации» — землепроходческой романтики в космопроходческую. Казанцев начинает с того, что человек будущего знаком нам «по-

рывом к подвигу, который совершают, не замечая его, в сумерках ли арктических или антарктических будней», — так что уже сегодня люди будущего встречаются «среди лучших людей настоящего, среди героев войны и труда, среди моряков и полярников, среди ученых и инженеров, среди тех, кто выиграл кровавую схватку за жизнь ради того, чтобы в этой жизни выиграть еще одну схватку, схватку за мир». И если «для нас вчера страной романтики и мечты была Арктика», то сегодня на место Арктики пришел Космос, а завтра, «утоляя светлую жажду знания, полетит Человек будущего к иным звездам».

Тут интересно само выделение особой категории людей фронта — моряков и полярников, ученых и инженеров, — которые уже сегодня являются «людьми будущего». Мы видим все тот же настойчивый поиск непринужденного и невознаграждаемого энтузиазма, то есть в окружающей реальности, «в настоящем» ищутся признаки тех психических явлений, которые должны лечь в основу коммунистической экономики. Выделение этой привилегированной, «гвардейской» категории «летчиков и полярников» находит разработку в «Туманности Андромеды», где люди, причастные к покорению Космоса, тоже выделяются в особую категорию — но теперь уже на фоне социума будущего. Для них один из персонажей придумывает специальный термин — «бреванны»: «Так я прозвал всех недолго живущих — работников внешних станций, летчиков межзвездного флота, техников заводов звездолетных двигателей. Ну, и нас с вами. Мы тоже не живем больше половины нормальной продолжительности жизни. Что делать, зато интересно!»

Проблема, однако, заключается в том, что если труд ученого-исследователя, и в широком смысле — творческий труд, или в крайнем случае труд покорителя космоса является привилегированным и достойным любви, то остается неясно, что делать с оставшимися видами труда. Здесь стоит привести цитату из книги чешского писателя Яна Вайса «В стране наших внуков» (1957), которая отражает достаточно стереотипное представление фантастов той эпохи о рынке труда в коммунистическом будущем: «Всякий труд почетен и делает честь человеку... Однако большая часть общества занята творческой работой. Это художники, ученые, изобретатели, новаторы, астрономы, аэронавты, конструкторы новых машин, исследователи, изыскатели, экспериментаторы». Прежде всего: среди перечисления явно творческих профессий присутствует и герой фронта — «аэронафт». Но важно еще то, что — так же как и Ефремов, так же как и большинство фантастов конца XIX—XX века, размышлявших на эту тему, Вайс соглашается, что творческий труд является занятием большей части общества — но все же не всего общества.

Невозможность объявить всех членов социума учеными или художниками объяснялось не только тем, что утописты вынужденно признавали необходимость сохранить и другие профессии, но и тем, что они далеко не всегда готовы были признать наличие у всех людей талантов и способностей, нужных для занятий творчеством.

В редких и довольно экзотических случаях мы и в XX веке видим действительно юридическое оформление сословий — как это происходит в «Современной утопии» Уэллса (1905), в тексте Циолковского «Идеальный строй жизни» (1917), все население в зависимости от умственных способностей делится на четыре класса, причем эти классы различаются не только политическими правами, но и являются классификаторами для евгенической политики — деторождение происходит только внутри классов.

Чаще, конечно, в утопических текстах речь идет не о юридических сословиях а просто о фиксации внимания на том факте, что часть населения не соответствует выдвигаемому идеалу «человека будущего» — то есть, если смотреть на вещи с точки зрения этого идеала, является неполноценным. Так, в романе Густава Гиттона «Жизнь лю-

дей через 1000 лет» сообщается, что на планете осталось около двух миллионов человек, по лени или по другой причине не смогших заняться наукой, — им поручается более простой труд, в основном связанный с надзором за машинами. В повести Владимира Тендрякова «Путешествие длиной в век» существует некоторое число «незанятых», которые не смогли заняться творчеством и ведут жизнь наподобие хиппи.

Ригоризм Стругацких, их готовность к дискриминации мещан также предполагает выделение в нации «неполноценных». О делении человечества на две категории вполне ясно говорится в тексте повести «Стажеры»: «Представь себе, Юра, — Жилин положил ладони на стол и откинулся в кресле, — огромное здание человеческой культуры: все, что человек создал сам, вырвал у природы, переосмыслил и сделал заново так, как природе было бы не под силу. Величественное такое здание! Строят его люди, которые отлично знают свое дело и очень любят свое дело. Например, Юрковский, Быков... Таких людей меньше пока, чем других. А другие — это те, на ком стоит это здание. Так называемые маленькие люди. Просто честные люди, которые, может быть, и не знают, что они любят, а что нет. Не знают, не имели случая узнать, что они могут, а что нет. Просто честно работают там, где поставила их жизнь. И вот они-то в основном и держат на своих плечах дворец Мысли и Духа. С девяти до пятнадцати держат, а потом едут по грибы... — Жилин помолчал. — Конечно, хочется, чтобы каждый и держал, и строил. Очень, брат, хочется. И так обязательно будет когда-нибудь».

Любопытно, что в творчестве Стругацких дискриминированное положение «нетворческих людей», по сути, является инверсией более реалистичной обратной ситуации, когда дискриминированным классом является сама интеллигенция, презируемая и преследуемая нетворческим большинством, что в разных ракурсах изображается в таких повестях, как «Трудно быть богом», «Попытка к бегству», «Хищные вещи века» и «Второе нашествие марсиан». Таким образом, утопическая социология Стругацких основывалась на идее, что творческие люди, интеллектуалы, возникая в человеческих обществах как преследуемое меньшинство, постепенно становится господствующим сословием или даже численным большинством — однако напряженность между ними и «обычными людьми» сохраняется, «обычный человек» остается вызовом, проблемой или даже нежелательным возможным сценарием развития человеческого типа.